

СТИХИ

Из книги
«СТИХОТВОРЕНИЯ»

* * *

Жил на свете рыцарь бедный...

А.С.Пушкин

Продубленный холодами,
Верный слову и мечу,
Я служу все той же Даме
И другого — не хочу.

Все вокруг лишь продолженье
Светлой памяти о Ней,
Бурый пар, как дым сраженья,
Над провалом полыней.

Призрак, дерево, гора ли...
Только шорох ветерка
На опущенном забрале
Голубого куржака.

* * *

Я пришел успокоить взор
На плече этих низких гор
Я пришел остудить мозги
Серебристым шуги.

Здесь, как вата, вбирает снег
Загустевшую кровь реки,
Здесь слова замедляют бег
И трещат в берегах строки.

Здесь и мысль, превращаясь в лед,
Позволяет себя прочесть.

И в глазах у рассвета жечь,
Как у той, что меня не ждет.

* * *

Ты пришла. Колыхнулись шторы.
У тебя осторожный вид.
За Твоею спиной просторы,
От которых меня знобит.

Я решал, для чего я создан...
Ты окрепла в моем тепле
И упрямо стремишься к звездам,
Завещая меня земле.

Ты стоишь в перехлестах платья,
Отрешенная, как вдова...
Уходи. Я готов к расплате
За любые твои права.

* * *

Я снова в этой старой мастерской,
Где помнит твои длинные ресницы
Гладь зеркала. Где светятся страницы,
К которым прикасалась ты рукой.

Здесь холодно. Меня уже давно
Не греют по ночам ни эти стены,
Ни времени пустые перемены
Ни древности священное вино.
Открою дверь и выйду налегке.
Мелькает каменистая дорога,
И посох трется в жилистой руке...
Я нищий, и мое последнее добро —
 Шершавый камень твоего порога,
 Я об него точу свое перо.

ИЗ ГОРАЦИЯ

Милая моя, чьей мы ждем помощи?
За моим окном застывшая вишня
И в погожий день так и не решится
 Шевельнуть веткой.

Много ли, скажи, радости в гордыне?
Я ли не смогу быть тебе опорой?
Сколько ни молчи, врозь не пережить нам
 Долгую зиму.

Только прикажи — на полу у двери
Лягу, покорный. Для себя возьму лишь
Мелочей пустяк и стихов любимых
 Ветхую книгу.

Мне и одному в заброшенном доме
Знать, что ты живешь, было бы радостью,
Если бы я мог на твои морщины
 Смотреть без боли.

* * *

Весна — недомогание погоды,
Сырое перемигиванье звезд,
Дороги, повернувшие в объезд,
И непривычно ранние восходы.

Весна — каприз беременной природы,
Озноб земли, бессмысленный протест
Морозов и тяжелые, как крест,
Но неизменно радостные роды.

А человек вне времени и места
Стоит, чужой природе и себе,
Кусая лихорадку на губе,

И вдруг бежит сквозь сумерки туда,
Где в полутьме лилового разъезда
Трубят о невозможном поезда.

* * *

Любимая, ты спишь. На столике расческа.
В серебряных хвощах замерзшее стекло,
И облака плывет неровная полоска,
Как кречета во тьме огромное крыло.

Любимая, ты спишь... Я ехал с Павелецкой
На отсвет куполов, не видных из-за крыш.
(Так елочных шаров блуждает свет по детской.)
Я подъезжал к Кремлю. Любимая, ты спишь,

А я твоё лицо в него врезал, как в раму,
Не задевая пыль на сколе завитка,
И на меня при всех точила эпиграмму
Холодная, как снег, и милая рука.

Любимая, ты спишь, когда страна, как порох,
И мне уж не сносить безумной головы,
Когда четвертый час, подъезды на запорах,
А я иду к тебе с ключами от Москвы.

Любимая, ты спишь... Уже, как одеяло,
Чуть смятое крыло сползло на восток.
Я медлил у дверей, такси ещё стояло
И пара трепетал багровый лоскуток.

* * *

Я все отдам за это вдове
Лицо земли, где дождь, как штрих,
Где жизнь — сплошное предисловье,
А смерть загадка для живых.

Где все, что есть, — и грех, и слава —
Лишь голос предков в нас самих,
Где мы не заслужили права
И в мыслях быть счастливей их.

* * *

Я помню над головами
Встревоженное вороньё,
Бульвар, особняк со львами
И каждое слово твоё,

Квартал отрешенно-старый,
Твой дом в светло-серой мгле,
Машины с разбитой фарой
И снег на ее стекле.

Я помню подъезд высокий,
Тяжелую дверь — и мой
Счастливый и одинокий
Предутренный путь домой.

* * *

Здесь все, что сберегло тысячелетье,
За семьдесят непоправимых лет
Вдруг стало прахом. Помни же портрет
Москвы конца двадцатого столетья:

Дрожит раствор, как шкура диплодока,
И в судороге дыбится стрела...
А в небе догорают одиноко
Последние на свете купола.

* * *

Я не уйду из камеры сонета,
Из плена неподатливой строки,
Пока его холодного скелета
Не переплавлю в золото реки

Далекого приснившегося лета,
Доспехов не разрушу в черепки
Прикосновеньем ласкового света
И бабушкиной сдержанной руки,

Не изотру в мельчайшие пылинки
О дядин уходящий силуэт
И слюдяные окна керосинки.

О пеночку, в струящейся березе
Поющую устало... Как поэт,
Уже давно тоскующий по прозе.

* * *

На светлом небе ни полоски,
В морозной дымке поворот.
Здесь новый день, и ложе «тозки»,
И скалы серые Ворот.
Бахта! Когда он станет давним,
И этот снег, и этот кров,
Я буду бредить каждым камнем
Твоих далеких берегов.
Где, приглушенная снегами,
Велась война без баловства
С моими вечными врагами,
Где были в ярости добыты
 Неотомщенные обиды
 И плоти жалкие права.

ПЕРЕД ОХОТОЙ

1.

Дай адрес. Уезжай... Мой Енисей
В огнях судов и неподвижных створах,
С утра туман, шаги по гальке, шорох
Заклепок и пески в следах гусей.

Уже без шапки холодно, уже
На рыжий лес пикирует кедровка,
И бродит вдоль по острову верховка,
Как шкипер по оставленной барже.

Каюта. Блик воды на потолке.
Стук лодки под бортом у теплохода.
Рывок шнура и давняя свобода
До берега домчаться налегке.

2.

Седое утро. Груз на берегу.
Отставшая кричит в тумане ржанка
И в красной куртке смотрит горожанка
С высокой палубы на серую тайгу.

На избы серые, на серый берег, где
Мотор в следах дождя и холод рукояти,
И лодка длинная, как «Песнь о Гайавате»,
Уже стоит, качаясь на воде.

Широкий плес. Предчувствием шуги
Речную сводит кожу. Холодает.
И небо осторожно покидает
Косое облако с краями из фольги.

3.

Дрожат борта. Мотор гудит струной,
Настроенной на ровное движенье
Без спешки, и деревьев отраженье
Коверкается масляной волной.

Напарник, запакованный в сукно,
Сидит поверх мешков спиной по ходу,
Уставившись сквозь выпуклую воду
В узорчатое галечное дно.

И, отваясь на рог бензопилы,
Болтает спирт в полупустой бутылке,
А ветер треплет пену на обмылке
Водой и временем изъеденной скалы.

За мысом снежный чудится заряд,
И с лиственниц дождем слетает хвоя,
И ощущение воли и покоя
По телу растекается, как яд.

* * *

Охота...
Я люблю, придя шатаюсь,
С горячими сосульками на лбу,
Сняв тозовку, ввалиться спотыкаясь,
В холодную и тесную избу.
Там печки неохотная работа,
И в полутьме тяжелый куль с крупой
Сбивает шапку, мокрую от пота.

Под тонкой и прозрачной скорлупой
Люблю фитиль в пылающей короне,
Капканов беспорядок на полу,
Стук льдышки в чайнике и шорох в микрофоне
Холодной рации, вокруг трубы в углу
Распятые таежные доспехи.
Далекий, побеждающий помехи,
Переговор товарищей ночной
И русской Музы строгий позывной.
...С утра собаки скачут на ветру,
Кусают снег и лают друг на друга,
Патронташа тяжелая подпруга
Подтянута на новую дыру.
Морозный воздух свеж, как нашатырь,
Горят верхушки лиственниц крестами
И благовестит звонкими клестами
Тайги великолепный монастырь.

* * *

Во всей этой истории чудной
Мне места нет. Судьба и Муза сами
Меня связать моими же руками
Договорились за моей спиной.

Они при мне, ломая, унесли
Все то, что так охотно и умело
Вращалось, танцевало и скрипело
В моих руках. Потом они ушли

По щепкам дров, по мокнущему сену.
Я понял все: они придут тогда,
Когда земля, деревья и вода
Привыкнут и подыщут мне замену.

Когда в чужую осень отойдут
К моим сетям приученные реки
И, на меня обидевшись навеки,
Свои ключи другому отдадут.

Когда сухое небо подберет
Дроздов, еще шуршащих по нагому
Березняку. (А этому другому
Я все простил на много лет вперед

За странное осеннее волненье,
Что знает лишь охотник да поэт,
За кедра первобытный силуэт
И огненную даль, за наслажденье

Бежать на лай, по мерзлому стволу
Простукивать огромную осину
И знать, что никакому ремеслу
Нельзя принадлежать наполовину.)

...Шел тихий летний дождик без просвета
И глянцевал забытую пилу.
Я вспоминал, прижав лицо к стеклу,
Веселый мир того, другого лета,

Когда гудел в моем карандаше
Прекрасный сор, встревоженный ногами,
И я ходил широкими кругами,
Не приближаясь к собственной душе.

* * *

Тревожная и тихая погода,
Высокие, как небо, деревья,
И штукатуркой сыпется листва
С немого протекающего свода.

Есть в жизни предков древняя свобода
Платить судьбой за лучшие слова.
Их Муза в смертный час еще жива
Величьем исчезающего рода.

Так жив и я. И Лира не забыла,
Как падал снег на черные стропила
Нагих ветвей. Как осень, сжав уста,

Ушла одна с пустынного бульвара,
И новый день не поднял с тротуара
Перчатку пятипалого листа.

* * *

Сольвейг прибегает на лыжах...

Ибсен

Мне оставлено наследство
От Гомеровой тени
До опасного соседства
Замечательной родни.

Я не трогал ваши перья,
Не вертелся у стола
И не рвался в подмастерья.
Но она меня нашла.

Я узнал Ее по звуку
Крыл, рождающих беду.
Я бы рад отдернуть руку,
Да не я ее веду.

...Прибежавшая на лыжах,
Все решившая сама,
Когда я еще не выжег
На столе ее клейма.

1

Я чувствую в крови какой-то новый холод,
Там ясно дребезжат бубенчики шути.
Мне больше не нужны ни самый снежный город,
Ни самый лучший лед из погреба тайги.

...Все утро вижу сны. Проснувшись с неохотой,
Царапаю два-три надуманных стиха,
И Муза в стороне, не утомясь работой,
Как пленная княжна, презрительно-тиха.

Мне снится старый дом, заволжские откосы,
Неровное стекло протертого окна,
Грачиная возня и бабушкины косы.
И на большой воде веселая волна.

2

Вишневым «понтяк» отплыл от «Метрополя»,
А ты идешь сквозь дым и снега пелену,
Как витязь, одинокий, и улица, как поле...
Верните мне мою далекую страну!

Продрогшая толпа бежит по переходу,
И сероватый снег срывается с мостов
И падает, дробясь, в коричневую воду,
И галки шебуршат остатками крестов.

И кузова блестят, как новая посуда.
Смеркается, и ты, измотанный ходьбой,
Сядишься на скамью и слышишь ниоткуда
Короткие слова: «Не бойся я с тобой».

3

Мой город, я с тобой. Нагретое сиденье
Умчалось в темноту, теперь-то мы одни.
Заблудший самолет плывет, как привиденье,
И красные на нем пульсируют огни.

На набережной гул. Сквозь ледяные горы
Хрустящая тропа в забитый снегом двор,
В светящемся окне задернутые шторы,
Там на большом столе пустой второй прибор.

В Кремле сменился день. Его собрат вчерашний
В замоскворецкий мрак ушел, не тронув льда...
Ты спишь, моя Москва... А над кремлевской башней
Нерусская приколота звезда.

4

Карабкается кап березе на закорки,
И чухлый соснячок крадется вдоль реки,
И стог стоит, как хлеб, в глазури снежной корки,
И не добавит ночь ни слова, ни строки

К достоинству полей, пустынных, как квартира,
Где ужин без гостей расплата за покой
Поэта-гордеца, где тетерева лира
Оставлена в ветвях задумчивой рукой.

Под вечер тишина. Лишь полудиким хором
Собаки в полутьме протяжно лают в лес,
И где-то товарняк расходится со скорым,
Да в небе самолет шуршит, как стеклорез.

5

Тебе, моя Любовь, тебе, чье имя все
И я произнесу, когда отговорят
В счет будущих стихов о Кинешме и Шуе
Дарованные мне так много лет назад

Полночный небосвод, свирепый от мороза,
Холодных поездов затертые скамьи,
Съезжающий стакан и топот паровоза,
Тревожный, как тоска по прошлому семье,

По лучшей из держав Земли... А я подолгу
Скитался, одиноком, у тех ее границ,
Где бабушка на спор пересекает Волгу
Под грохот надвигающихся плит.

ТУМАН

1

Хотя бы раз уехать вдаль, где нету
Не знаю кем придуманных забот
И где тебя никто не узнает
По кашлю, пиджаку и силуэту.

Мне снится ночь, готовая к рассвету,
Чужого неба странный разворот,
Неяркий свет, оконный переплет
И тишина, похожая на эту.

Мне снится лист бумаги на столе,
Набоковская бабочка в стекле,
Альпийское спокойствие отеля...

О, Господи... И как бы я берег
Бессмысленную песню коростеля
И тучи золотистый козырек.

2

Не мучь меня своею красотой,
Не стирай доверчивого крова —
Я слишком много принесу чужого
В твой дом, еще никем не обжитой.

И говорить о будущем постой:
Я осень понимаю с полуслова.
Пора, мой друг... Холодный и густой,
Плывет туман вдоль берега седого.

Чем я украшу молодость твою?
Поверь, я сам себя не узнаю,
С тех пор, как лишь в тумане оживаю

Среди родных и милых мне теней,
И вместе с ними молча допиваю
Тоску и славу их далеких дней.

3

Который день сосульки на весле
Поднятой шлюпки. Океан без края.
Каюта. Ночь. Постель, слегка сырая,
И «Темные аллеи» на столе.

Мы рождены в пути на корабле,
Идущем в неизвестность, невзирая
На слезы стариков, что умирая,
Не прекращали думать о земле.

Когда во сне кончаются скитанья,
И милые в тумане очертанья
Я узнаю, тоскуя и любя,

Я просыпаюсь. И во тьме беззвездной
Стою, как тень, у поручня над бездной.
О, Муза! Что б я делал без тебя?!

4

Я в эти дни волнуюсь неспроста,
А ты одна в таинственной печали
Стоишь на просыхающем увале
И озираешь милые места.

Была и мне по силам красота,
И в свой меня черед не миновали
Дымы отодвигающейся дали
И взора напряженного тщета.

Теперь иные ближе мне картины,
Там берег белый, колотые льдины
И лодки занесенная корма.

И на душе яснейшая погода,
И вся ее мятежная природа
Давно в ладу с заботами ума.

5

Там на заре бубнят тетерева,
В тумане сосны высятся, безноги,
И тень ветлы маячит у дороги,
Как чья-то прорастает булава.

Там у костра, горящего едва,
Три брата спят, не ведая тревоги.
Им холодок поеживает ноги,
Им пепел осыпает рукава.

В то утро не над их ли головами
Шептались птицы вещими словами:
— Кого зовет любимая с крыльца,

Кого земля сырая, а кого-то
Рубаха, пожелтевшая от пота,
И нищая дорога мудреца.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

* * *

Мне сегодня приснились снова
Дальний поезд, леса, огоньки,
Все, что есть в городах больного,
Все приму себе вопреки,

Все приму, возвращаясь в тревоге
В этот город, давно не мой,
За последний изгиб дороги
На забытом пути домой.

* * *

Я любил убежать из дома
И на воду глядеть с моста.
За кормой отголоски грома
И в ладонях тепло шеста.

Я отдал счастливые годы
За огонь самой дальней звезды,
За сухой холодок свободы
И изменчивый блеск воды.

Вот и чудится запах дыма
Незнакомого очага,
Да молчат, пролетая мимо,
Поседевшие берега...

А бывает, нахлынет что-то:
То ли плеск за моей спиной,
То ли ты по стеклу поворота
В белом платье идешь за мной.

Оглянусь, а на месте этом
Лишь тумана сонная прядь...
Почему, чтобы стать поэтом,
Нужно все до конца потерять?

* * *

Я сегодня проснулся свободный.
Тишина по всему селу.
Из-за облака луч холодный
Пробирается по столу,

По часам, не спеша идущим,
По остатку карандаша...
И, как в детстве, полна Грядущим
Облегченная сном душа.

* * *

Я всю ночь выбирался из сети
Непонятного трудного дня.
Она вышла из туч на рассвете
И сказала: «Поверь в меня».

И Она мне сказала: «За это,
Я за это тебе подарю
Одинокое счастье поэта
И мучительный путь к алтарю».

* * *

Я с собой заберу в дорогу
Половиц непослушный стык,
Петуха, поджавшего ногу,
И его предрассветный крик,

Снег, слетающий ниоткуда,
Два десятка чужих стихов
И слабеющий запах чуда
От пролитых тобой духов.

* * *

Жизнь промчится, не дав ответа,
Будет ночь, пустота и страх,
И лиловый налет рассвета
На искусанных в кровь губах.

Будет шепот, неловкие ноги,
Облегченье последних слез
И над синей стрелой дороги
Симфонический шум берез.

...Брат мой, ветер! Вдувая одежды,
Ты дорогу за мной просуши...
Дай мне, Боже, хоть тень надежды
На бессмертье моей души!

**Стихи из романа
«ТОЙОТА-КРЕСТА»**

1.

Там, где кедр с обломанной вершиной
Над седой стеной монастыря,
Где встает над мокрою машиной
Сизая осенняя заря.

Как в огромной выстывшей квартире,
Где по стенам солнечные швы,
Я живу в пустеющей Сибири
И люблю Марию из Москвы

В головах Саянские отроги,
Енисей вливается в висок,
Руки, как огромные дороги,
Пролегли на запад и восток.

В каждой я держу по океану,
Не испить, не слить, не уронить,
Как же мне, разъятому орлану,
Самого с собой соединить?

Снег идет задумчиво и косо,
Головы застыли на весах,
И бессонно крутятся колеса
В головах, машинах и часах.

2.

Помнишь, Маша, снежные равнины,
Облаков тяжелые гряды,
Лошадей заснеженные спины
И костры мятежной слободы.

Помнишь синеватые рассветы,
На окне морозные цветы,
Розвальни, телеги, лазареты,
Отпеванья, свечи и кресты?

Помнишь, как ты плакала с причала,
Как ждала, безногого, с войны,
Как меня с тобою разлучала
Полоса взбесившейся волны.

Как ждала годами из острога,
Как крестила с берега в Крыму,
Как меня последняя дорога
Забирала в ночь на Колыму.

Помнишь суету у вертолета,
Как белели пятнами снега,
И сверкали зеркалом болота,
И дрожала синяя тайга.

Как возили письма на оленях,
Строили дороги и мосты,
Как над океаном на коленях,
Я стоял, слепой от красоты,

Мы прошли сквозь столькое разлуки...
Что же между нами пролегло?
То ли деньги высушили руки,
То ли небу выбили стекло,

То ли ничего не происходит,
То ли одинокий человек
В своем сердце больше не находит
Отраженья гор, морей и рек.

То ли что-то главное забыто,
То ли тебе правда все равно,
То ли мира спятившая бита
Выбивает слабое звено.

3.

Снова выезжаю на дорогу,
Все как прежде, дали и снега,
Снова ночь. И снова внемлют Богу
Океаны, горы и тайга.

Под капотом тихо и бесстрастно
Пьет мотор ночную синеву,
Звезды светят холодно и ясно
Над землей, которой я живу.

На душе старинная тревога...
И опять заправка, переезд,
Дробь колес и дальняя дорога,
Как «корона», «креста» или крест.

4.

На дороге сумрачно и сыро,
До Урала близко и уже
Белый «марк» работы Кунихиро
Не прижмет плавник на вираже.

Стрелки лобового циферблата
Расчищают память, не щадя,
И мешают зарево заката
С пеленой холодного дождя.

Снова ночь над лесом и степями,
И под синим маревом светил
Кажется ненужными словами
Все, что я тебе наговорил.

Леденеет крестик на решетке,
Свет восхода льется в зеркала,
И считают вытертые щетки
Километры мокрого стекла.

5.

Больше нет ни юга, ни востока,
Только ветры стылые сквозят.
Маша, ты все так же одинока,
Как и триста лет тому назад.

Ну чуть-чуть... Ну еду... Ну немного...
И спюют под утро тормоза.
Почему ж так пристально дорога
Смотрит в запотелые глаза,

Что за непосильная забота
Сводит переезды и мосты:
Впереди огромные ворота,
И открыть их можешь только ты.

Ты открой, и стихнут ураганы
Над моей двуглавой головой.
И тогда охотские туманы
Встретятся с балтийской синевой.

И над этой слившейся пучиной
Я замру, ни с кем не говоря,
Словно кедр со сломанной вершиной
Над седой стеной монастыря.

* * *

Я стою на краю Океана,
Ожиданья, надежды, земли,
Над Хоккайдо полоска тумана
И в Корсаков ушли корабли.

Все сбылось по пути, на дороге
В набегающем косо снегу,
Потому так пронзительно-строги
Эти горы на том берегу.

Так по чьей нестихающей воле
Я стою, как стоял на мосту,
Два крыла, две дороги, две боли
Распластав на огромном кресту?

Вот колышится, светится, дышит,
Подступает, гудит, говорит,
И имеющий уши да слышит,
И имеющий очи да зрит

Эту зыбь, не залегшую к ночи,
Эти дали, дымы, облака...
Лишь бы были прозрачными очи,
И спокойна, как прежде, рука.

Спите, горы, дома и собаки,
Я к утру разгоню пелену,
Я подам предрассветные знаки,
Что приму, пронесу и верну,

Все верну... и полоску тумана,
И двуглавую долю мою...
Понимает язык Океана
Только тот, кто стоит на краю.

ЖЕКА

Е.М. Барковицу

1.

Под восточным крылом орлана
На излете последней строки
Ты стоял на краю Океана
И туманы поил с руки.

Ты стоял на краю. Стыли реки.
Замирал океанский накат,
Я прощался с тобой навеки,
Мой напарник, учитель и брат.

Только дрогнуло небо: трогай!
Ты остался на берегу.
Я уехал твоей дорогой
По щебенке, желтевшей в снегу.

Облака расступились рвано...
Мне так трудно расстаться с тобой,
Будто я — на краю Океана,
И грохочет в висках прибой.

Будто соль омывает ноги
Будто Маша зовет с крыльца...
Будто нет конца у дороги
И у книги не будет конца.

2.

Был асфальт в снежной насечке,
Чья-то «креста» в коричневом льду,

Обжиг ветра, жара из печки
И «КАМАЗ» в солярном чаду.

Был ночлег, и была дорога,
И морозные звезды с утра,
И щиты отсекали строго:
Лондокó, Биракан, Архара.

Я летел в версте от Талдана
По гребенке дробленых скал,
Ты стоял на краю Океана
И две сотни страниц не спал.

Сколько верст под тенью крылатой!
Как умеешь ты им служить!
Мой братишка и мой соглядатай,
Постарайся меня пережить!

О тебе будут помнить дети
И участок Хабаровск—Чита,
И когда-нибудь в дальнем свете
Твое имя сверкнет с щита.

3.

О тебе говорили очи
Синих звезд в седой высоте,
О тебе на исходе ночи
Прокричал Амазар Чите.

По тебе резина, лысея,
Шелестела сквозь ночь: «Прости...
От Амура до Енисея
Остается три дня пути».

Народится из сизых полос
Облаков, полыней и льдин...
И окликнет огромный голос:
«Почему ты приехал один?»

Или чем-то тебя не уважил
Твой собрат по судьбе и рулю,
Или новых героев нажил,
Или я — тебя не люблю?

Или манят другие книжки,
Или Маня уходит к Гришке,
Или денег просит сума,
Или лира сошла с ума?»

Я ответил: «А что мне лира,
Если это моя земля?
Я отдам все награды мира
За один поворот руля».

Вот Чита впереди, как в чашке,
И в шершавой пыли капот...
Я прижался к худой листвяшке.
Сделал вдох...
И включил поворот.

4.

Я вернулся к тебе с полдороги
Когда понял, что я не смогу
Без твоей бесконечной дороги
По щебенке, утопшей в снегу.

Рыжей пыли на снежной бровке
Вымерзающий варенец...

Даль хребта в серой штриховке.
И заезжки жданный дворец.

И опять не сомкнутся очи.
Тарахтит стоянка во мгле.
(В синей туши — остаток ночи.
Гарь под сопкой — в чернейшем угле.)

В синеве пройду Магдагачи,
(Лиственничник — в карандаше...)
Лишь бы было светлей и богаче
На бескрайней твоей душе!

Снова сопки берут в объятья
И колеса бегут легко,
И кивают названья-братья
Архара, Биракан, Лондоко.

Вот Хабаровск с морозным чадом...
И в солярном чаду «КАМАЗ».
Слышишь, Жека, дождись, я рядом,
Не закончился наш рассказ.

Под восточным крылом орлана...
Где горчей с каждым годом жить,
И дорогу до Океана
Извели, не успев проложить.

Перевалы, петли, уклоны,
Обжитые с таким трудом,
Где когда-то неслись перегоны,
В кузовах, оперенных льдом.

5.

Океан с дождевым зарядом
Слег в туманное молоко.
Слышишь, Жека, дождись я рядом.
Это край. Ты стоишь высоко.

Это тихо проходит в жилы
Терпеливая наша земля,
Где цепями пилят могилы
И не глушат зимой дизеля.

Где в апреле снега как сварка,
И глотками морозных лет
Леденя, течет солярка
В обжигающий пистолет.

Это что-то случилось с нами...
И теперь с каждым днем больней
Эта даль у тебя за плечами,
Ты расскажешь мне все о Ней?

Как ей терпится, как не спится?
Как живется впригляд и впотай,
Как тревожится, как ложится,
Так вот, свесившись за Китай?

Как ей хочется быть любимой
И единственной, как в ответ
Лишь наката гул недробимый
Да планет сухой пересвет.

Ты стоишь на краю Океана,
И иначе не может быть.
За твоею спиною рана...
Кто-то должен ее промыть.

Под огромным крылом орлана,
У восточной его головы,
Ты стоишь на краю Океана,
И вот-вот разойдутся швы.

И небес полотно сырое
Упадет в страшный просвет...
Мне не надо другого героя,
И да будет извечный свет

На границе седых туманов,
На базальтовом гольше,
На распятой меж океанов
Необъятной твоей душе.

6.

Под восточным крылом орлана
На камнях ледовый узор.
Ты стоишь на краю Океана,
Не кончается твой дозор.

Оживает в антеннах и тросах,
Ветерка океанский ток,
Вереницами фар раскосых
Просыпается Владивосток.

Слышишь, Жека, еще так рано,
Что слышны голоса земли,
И видна голова орлана,
И двуглаво лежат рули

По бокам Енисея, Жека...
Знаешь, что страшнее петли,
Одиночество человека?
— Одиночество русской земли!

И так страшно за эту землю —
Енисей, отпусти и прости,
Я опять на краю, и внемлю,
И опять в верховьях пути.

Золотишко зимнего солнышка
Обожгло островов края...
Сторона ты моя, сторонushка,
Спаси, Господи, люди Твоя.

7.

Ты стоишь на краю Океана
И, наверно, сойдешь с ума.
Над Хоккайдо полоска тумана
И полны гребешком трюма́.

Все вдали, и тайга, и кочарник,
Сахалин превратился в нить,
Слышишь, Жека, я твой напарник,
Я вернулся тебя сменить.

Слышишь, дело не только в «кресте»,
И не в Маше, ты знаешь сам,
Божьей милостью быть на месте,
Вместо счастья досталось нам.

Как во сне, выплывает навстречу
Главный остров моей земли...
Поезжай домой. Я отвечу —
И за «кресту», и за рули.

Будет пыль на фарах раскосых
И колес дроботок сухой,
Скалы, мост, Селенга в торосах,
Черемшанный голец и Танхой,

Будут гор ребристые ноги,
И все то, что ты мне рассказал:
Проколевшие были дороги
И открытый в небо финал.

Будет небо и край Океана,
Где, отлитые на века,
Белоплечим крылом орлана
Пролегли за край облака.

* * *

Николаю Зиновьеву

Там, где горы режут ветры
На витые лоскуты,
Я глотаю километры
Забытья и глухоты.

И над сопкой вскинув руки,
Я кричу в просвет над ней:
«Что ж вы делаете, суки,
С бедной Матушкой моей?»

Ниоткуда голос тщетный
Отвечает сквозь дымок:
«А с душой своей бессмертной
Что ты делаешь, сынок?»

* * *

*Мой неравный и несравненный
Прожигатель ночных свечей!..
(.....)
Ближе к утру, зарей окрашенному,
Придержу ночевую мглу,
Чтобы было тебе нестрашно
Выгребать из меня золу.*

Татьяна Баймундузова

1.

Здравствуй, ты, не берущая трубку,
Переполненная золой,
Ты оставишь на мне зарубку,
Истекающую смолой.

И крылатый вздымщик, десницу
Простирая с небесных верхов,
Поутру соберет живицу
Освященных тобой стихов.

2.

Не жалею, не жду, не мечтаю,
Только вижу в стотысячный раз,
Как опять подъезжаю к Алтаю
Сквозь песок перетруженных глаз.

Снова версты бессонного бега,
Предраассветная сыпь огоньков
И опять на стекле вместо снега
Подсыхающий гель мотыльков.

Полоса почти с Искитима
Все неистовой дышит тобой.
Я и рад бы проехать мимо,
И пускай этот привод — твой,

Я лечу не к тебе. Я полночи
Слеп под фарами в дальней езде,
Чтоб добраться и вымочить очи
В млечно-синей катунской воде.

Чтоб объять эти воду и сушу,
Разделенное наше житьё,
Расстояния, рвущие душу,
И над ними молчанье твое.

Снова дворники ходят мерно,
И колеса гудят в висках.
Барнаул. Никогда так неверно
Не лежал еще руль в руках.

3.

Я стою у поста сиротски,
Теребя глухой телефон:
Не молчи, пропусти меня в Сростки,
Отзови путевой заслон!

Видишь, хвост растет час от часу
Вереницей копящих труб.
Улыбнись. Отвори мне трассу
Чуть заметным касанием губ.

Изумрудом замрут светофоры,
Влажный дым отойдет от земли,
И Алтайские зрячие горы
Белым сном замаячат вдали.

И, внимая каждому такту
Свежестихших шагов твоих,
Я уеду по Чуйскому тракту
Не смыкать очей за двоих.

Будет день. И погибнут беси
Осужденья. И встанет в круг
И вспоет в едином замесе
Все, что есть святого вокруг,

Все что светлого есть в этой шири,
Гор верхи и литые низа...

Нераздельное чувство Сибири
Льется поровну в наши глаза.

И за счастье короткое это
Буду я целовать дотемна
Богоданную землю Пикета
И босые ступни Шукшина.

КАМЕНЬ

Юрию Беликову

1.

Где-то с Запада тащит туман и сырь...
Атлантический перегар...
А у нас за Камнем все та же ширь,
И морозный припал загар
На балык скулы, на скулу скалы
На каленую плоть смолы.

Здесь за Камнем настолько кристальна синь
В небе выставшем и сухом,
Что на ветер слово сырое кинь —
И к утру упадет стихом
На крутой порог, на олений рог
На морозный парок дорог.

Здесь Усинский тракт сквозь навес хребтов
Чует Чуйского братский бок
И свивает синь снеговых бортов
За «камазом» в седой клубок.
И сюда не добьют облака простуд
И Европы несметный гуд:

Там за Камнем грядёт облаков гряда,
И спаленная клеть Москвы
Отдана врагу. То лиха беда
Начинается с головы,
Чтоб одеться в смог, отравить исток
И отправиться на восток.

Не соболий кот, схоронившись в ель,
Напрягает до звона слух,
Не осенней мглой зверовой кобель
Вдруг причуял медвежий дух,
И не стан волков в тишине белков
Заходил мехами боков.

То не хиус ушами стриждёт марал,
И не ирбис когтём скребёт...
Это Батька-Камень, седой Урал
Ощетинил тайгой хребёт,
Чтоб громадой плеч на полнеба лечь
Иноземному ветру встречу.

Дует Запад, трещат у увалов лбы...
Не заткнуть штормовую дырь
В обветшалых стенах уральской избы,
Не уснуть — за спиной Сибирь.
Но не видно гор, хоть повесь топор —
Не сдержать дымовой напор.

Ты стоял. И порыв кое-как зачах
На расческе твоих лесов,
Ты всю гарь собрал в своих пихтачах,
Но закрыл Сибирь на засов.
Ты с утра до утра очищал ветра
И мокротой забил фильтра.

2.

Я окрикну даль: отзовись Урал,
Непокрытая голова!
Это я виноват, что ты захворал,
Раз Сибирь до сих пор жива.

Тронет Север каленым смычком скалу,
Это наши гудят ветра.
Я всю жизнь просидел у тебя в тылу
И настала моя пора.

И за Камнем есть кому встать грядой.
Так что ты не дури, заляг,
Отдышись, отпоись чудовой водой
Из базальтовых гулких фляг.

Приложи к виску холодок ленка
Чтоб душа, докрутив витка,
Отойдя чуток в хрустале проток,
Встала жабрами на восток.

3.

Вновь дымки в отвес к сизоте небес
И слезят глаза мороза,
Не жалеют дров. И с седых яров
За сто верст слышны полоза.

О шершавый снег не набрать разбег,
Кто велел снарядить обоз?
Под такую кать не в тайге блукать,
Бесконечен Уральский взвоз.

Извиняй Урал, но опять аврал,
Собирай на разгруз бичат.
Звеньевой серчат: тузлуки сочат
Из кедровой клёпки бочат.

Выходи к гостям, коль остался тям
Принимать добро под надзор:
Вот хакаска-соль из степных озер,
Ты ее приложи к костям.

Здесь в настой небес Енисей вложил
Перескрип эвенкийских скал
И нерпячий жир для настройки жил
Для тебя натошил Байкал.

И еще один заповедный взвар
Сквозь прозор Читинских степей
Ранним утром тебе протянул Амазар,
Ты его натошак испей:

Там росток свечи на морозном окне,
Как дрожит её остриё...
И колени... как стонут под утро оне!
И вот это, почти моё:

Океан и креста четыре луча
И дымящие горы вдали,
И туман на зеркальной грани меча
От дыхания Русской земли.

Я искал зеркал себе по глазам,
И однажды едва не ослеп.
И одну половину разбил я сам,
А другую завесил креп.

Вот и все, Юрец, и строке конец,
За неё споев кладенец,
Раз из всех зеркал нам остался меч,
Чтоб хоть что-то еще сберечь.

В облаках проем, значит будет взьем,
Вот и я к тебе доберусь,
Чтоб с лесным зверьем, да с тобой вдвоем
Постоять за Святую Русь.